

Глава 33. Запечатанная застава (часть 1)

Бэй Чэнь держался как ни в чем не бывало, и Чэнь Гэ решил не забивать голову вчерашним происшествием. Троица сначала отправилась на охоту за город, а после — на Западный рынок, сбывать добычу.

К полудню на площади яблоку негде было упасть: пришлых купцов оказалось куда больше обычного, и все только и обсуждали рыночные цены в разных краях. Здесь, в вечном движении людского потока, говор южан мешался с наречиями северян. Чэнь Гэ хоть и изъяснялся со странным акцентом, но благодаря своей непосредственности и изрядной доле нахальства быстро нашел общий язык с покупателями. Товар разлетелся в мгновение ока.

Хань Тан лишь молча диву давался. Сам он, как и Бэй Чэнь, предпочитал одиночество в глухих лесах и терпеть не мог людской суеты, поэтому торговля у него всегда шла из рук вон плохо.

На входе стражники за привычную мзду отобрали трех самых жирных зайцев, но и за остальную дичь удалось выручить немало. Почувствовав в кошельке приятную тяжесть, Чэнь Гэ расщедрился и принялся водить Хань Тана по лавкам, скупая всякую чепуху.

Заметив вдали лоток с диковинными камнями, Чэнь Гэ потянул мальчика за собой. Любопытство его, как всегда, не знало границ. Он подхватил искусно выточенную черную яшмовую вещицу с резным узором и спросил:

— Дядя, а это что?

Хань Тан, едва взглянув на «камень», густо покраснел.

Бэй Чэнь же, напротив, оживился. Скрестив руки на груди и распахнув ворот одежды, он только и подначивал:

— Бери-бери, не раздумывай.

Чэнь Гэ в недоумении вертел вещицу в руках, поглаживая мягкими пальцами гладкую поверхность.

— И как... этим пользоваться?

Продавец, худощавый мужчина средних лет, окинул троицу многозначительным взглядом и усмехнулся:

— Это, юноша, для плотских утех в тишине спален, дабы чувства подогреть. В твоих руках женская вещица, но... учитывая твой возраст, она тебе вполне подойдет.

Чэнь Гэ, хлопая глазами, обернулся:

— Бэй Чэнь, а что такое «утехи в тишине спален»?

Бэй Чэнь расхохотался и обратился к лавочнику:

— Тонковата. Нашему господину не приглянется. Есть что покрупнее?

Тут до Чэнь Гэ наконец дошло. Он перевел взгляд с яшмы на продавца, потом на пунцового Хань Тана, и он мгновенно вспыхнул. Швырнув «камень» обратно на лоток, он припустил прочь и остановился лишь через пару сотен метров.

Впрочем, смущение быстро улетучилось, и он вознамерился продолжить прогулку. Но Хань Тан, не желая больше позориться, под предлогом того, что покупки нужно отнести домой, поспешил улизнуть.

Народу на улицах прибавилось. Бэй Чэнь взял Чэнь Гэ за руку, и они вдвоем побрели куда глаза глядят. К обеду они отыскали небольшую лапшичную и заказали по миске густого мясного супа. У Чэнь Гэ аппетита не было, а Бэй Чэнь уплетал за обе щеки, шумно прихлебывая. Глядя на его грубые повадки, Чэнь Гэ почему-то вспомнил старшего брата.

— Бэй Чэнь, а твои дети на тебя похожи?

— Близнецы, два брата, — ответил тот, не поднимая головы. — Младший родился слепым, а старший... старший выпил чашу дурмана и всю жизнь от него не отходил, заботился до последнего вздоха. Волчата, ни один в меня не пошел.

— Братья, заботящиеся друг о друге, — разве это не прекрасно? — удивился Чэнь Гэ. — Что с ними случилось?

— Умерли. Истлели в прах. — Бэй Чэнь на миг замер, но тут же продолжил есть. — Волчье племя не чета людскому. Младший был обречен, его следовало бросить еще в логове, но старший оказался слишком упрям. Пути Небес непостижимы, винить здесь некого.

Чэнь Гэ опешил:

— С такими мыслями ты ничем не лучше Инлуна.

— Видать, кровь — не водица, — самокритично усмехнулся Бэй Чэнь.

Поняв, что задел за живое, Чэнь Гэ поспешил сменить тему:

— А жена твоя? Кто же смог покорить твое сердце?

— Любовь, нежность... — Бэй Чэнь невесело улыбнулся. — Не по мне это. Нас Матушка Ньюва сосватала. Она меня не жаловала, да и мне она была даром не нужна. Перебились как-то лет десять, а после рождения детей разбежались. Она ушла в мир людей искать забав, а через несколько веков дошли слухи, что померла.

Чэнь Гэ ахнул:

— Богиня Ньюва! О боги... Значит, ты уже несколько тысяч лет как вдовствуешь?

Бэй Чэнь поперхнулся супом:

— Кха! Пф-фу!

Чэнь Гэ испуганно замахал руками:

— Считаю, что я ничего не говорил! Бэй Чэнь, ты ведь не из этого мира, неужели Царство Демонов и впрямь существует?

— Куньлунь-тань, пучина Гуйсуй... — вытирая рот, нехотя ответил тот. — Большинство сородичей там и прячутся от мира.

— Гуйсуй — это на дне морском?

Бэй Чэнь взъерошил ему волосы и, подхватив, посадил к себе на закорки.

— Откуда в тебе столько вопросов? О себе лучше пекись.

Чэнь Гэ, ухватившись за его уши, весело озирался по сторонам.

— Я тут спрашивал знающих людей... Говорят, мужчина от мужчины родить не может.

Бэй Чэнь на секунду замялся, словно ему стало жаль простофили, но тут же невозмутимо бросил:

— Людям верить нельзя. Пока сам не попробуешь — не узнаешь.

Чэнь Гэ с силой дернул его за ухо:

— Опять врешь! За ребенка меня держишь?

— Ты вылитый мой младший, — расхохотался Бэй Чэнь. — Такая же блаженная дурь из макушки так и лезет.

Прошло еще несколько дней. Похолодало, листва с тихим шорохом осыпалась на землю, по утрам траву схватывал иней. Ли Синлань залечивал раны, изредка беседовал с господином Бяньяном или читал. Чэнь Гэ поначалу любопытствовал, как тот разбирает эти головомные знаки на бамбуковых планках, но Ли Синлань лишь бросил: «Это сяочжуань». После такого «просвещения» неграмотный Чэнь Гэ напрочь лишился желания вести беседы.

Тогда он попытался донимать Хань Тана, но и тот оказался прилежным учеником: то отрабатывал удары клинком, то охотился ради заработка, то корпел над «небесными книгами» вместе с Ли Синланем. Погибель да и только! В представлении Чэнь Гэ книжники были существами иного биологического вида.

Единственным родственным духом оставался Бэй Чэнь, который целыми днями либо спал, либо был на облака. Обычно они двое дрыхли до полудня, а потом, взявшись за руки, неспешно обходили город. Город Линъюнь процветал, и искать неприятностей на ровном месте было неловко. Приходилось время от времени уходить в безлюдные места, чтобы всласть подраться, или рыскать в поисках слухов. Мир вокруг казался пугающе тихим и благостным.

Единственным серьезным делом для Чэнь Гэ стала забота о ранах Ли Синланя. Хотя лекарь и выписал рецепты, выжить после таких ожогов в эти времена было чудом. Снадобья требовали редких трав, запас которых быстро истощался, а в казне господина Бяньяна гулял ветер.

У Чэнь Гэ выработалась странная привычка: днем он ходил вялый, а по ночам сон не шел. Стоило сумеркам сгуститься, он вскакивал, подхватывал плетеный короб и со всех ног мчался в лес за целебными травами. Возвращался он к полуночи — грязный и взъерошенный, словно дикий кот. Прямо в усадьбе он обливался ледяной колодезной водой, не вытираясь падал в постель и мгновенно засыпал.

Проснувшись ближе к полудню, он, шаркая стоптанной обувью и щурясь от света, тащил охапку трав к покоям Ли Синланя и стучал в окно. Тот обычно читал. Заслышав стук, он приоткрывал створку, забирал подношение и кратко благодарил, каждый раз выглядя слегка озадаченным.

Но однажды, приняв травы, Ли Синлань помедлил. Он спрятал сверток в комнате и, не закрывая окна, негромко произнес:

— Эти дни ты очень выручал меня. Но раны почти затянулись, так что больше не утруждай себя.

Чэнь Гэ беззаботно махнул рукой:

— Пустяки, я просто хотел помочь чем могу.

Ли Синлань сидел в глубоком капюшоне, скрывающем лицо, но Чэнь Гэ почувствовал, что тот не на шутку расстроен.

— Я... мне это больше не нужно. Или тебе просто не терпится уйти?

Чэнь Гэ замер, опершись о подоконник, и снизу вверх заглянул в комнату. Ли Синлань, словно опасаясь, что тот увидит страшные шрамы, отвернулся, подставив правую, здоровую сторону лица, и уткнулся в свиток. Чэнь Гэ оторопел от такой логики.

— Я вовсе не... нет у меня таких мыслей! Ты мне как брат, я просто хотел, чтобы тебе стало легче. Я ведь знаю, как это больно. Просто... хотел помочь, но больше ведь я ничего не умею...

— Я знаю, Чэнь Гэ, — бесстрастно перебил его Ли Синлань. — Это я стал для тебя обузой.

Чэнь Гэ едва не разрыдался. От этих слов он сам начал сомневаться — а не сидит ли в нем и впрямь такое гадкое желание? Но как ни копался в себе, ничего подобного не находил. Он привык говорить правду в глаза, но красноречием обделен не был, и теперь, задыхаясь от волнения, лишь твердил:

— Прости... Прости меня, мне очень жаль.

— Извиняться должен я, — отрезал Ли Синлань. — Получил ранение, не смог защитить тебя, как обещал Цзянь Юньлану, и сам стал нуждаться в опеке. Ступай, развлекайся. Главное, за собой присматривай. Еще три дня — и мы выступаем в Сяньян.

Чэнь Гэ не понимал, откуда в нем взялись эти терзания. Ему было и стыдно, и горько. Повернувшись, он побрел прочь, и через пару шагов слезы градом покатались из глаз. Он не смел всхлипывать, лишь остервенело вытирал щеки рукавом, боясь, что Ли Синлань заметит его слабость.

Тот проводил его взглядом. На лице его не отразилось ни единой эмоции. Он медленно закрыл окно, перевернул свиток, который держал вверх тормашками, и продолжил чтение.

Это было шестнадцатое число девятого лунного месяца. Утро задалось прескверно, и Чэнь Гэ, чувствуя себя оплеванным, поплелся искать утешения у такого же изгоя — Бэй Чэня. Они бесцельно слонялись по городу.

— Бэй Чэнь, — внезапно спросил Чэнь Гэ, — а кого ты ищешь?

— Ищу? — удивился тот.

— Ну, в самом начале у тебя в голове будто вода была, ты ничего не помнил, только твердил, что нужно что-то найти. После той гробницы ты вроде как все вспомнил. Тебе ведь нужен кто-то?

— Я обещал Бинцзу исполнить две просьбы. Найти человека — одна из них. Погоди... Слышишь, о чем они толкуют?

Чэнь Гэ обернулся. У городских ворот столпилась уйма народу. Десятки груженных телег замерли, перегородив проезд. Бэй Чэнь не любил лезть в гущу, так что они остались поодаль. Чэнь Гэ сосредоточился, прислушиваясь к гомону.

— Заставу Ханьгу запечатали три дня назад! — кричал какой-то купец. — Там повсюду циньское войско!

— Никого не выпускают и не впускают! — вторил другой. — Во всех городах, где стоят гарнизоны Цинь, ворота наглухо закрыты!

Чэнь Гэ, опершись на плечо Бэй Чэня, прыгнул наземь и нырнул в толпу, пытаясь разузнать подробности у караванщиков, вернувшихся от Ханьгу. Но те лишь разводили руками: застава закрыта, а что стряслось в самом Цинь — бог весть.

Вести дела в Цинь с каждым днем становилось все труднее. Когда Люй Бувэй был канцлером, он открыл границы для гостей и ученых мужей — то было золотое десятилетие для торговли. Но шесть лет назад из-за бесчинств Лао Ая во дворце Ван Цинь пришел в неописуемую ярость. Канцлер Люй оказался в опале и в конце концов принял яд.

В Цинь испокон веков презирали торговцев, а из-за бесконечных войн в Хэло досмотры на Ханьгу стали невыносимо строгими. К этому привыкли. Но чтобы застава закрылась наглухо, не пропуская ни души — такого не случалось почти никогда. Люди шептались, что Цинь затевает грандиозный военный поход. Слухи ползли один страшнее другого, сея панику.

Сердце Чэнь Гэ упало тяжким камнем. За десять дней в Городе Линъюне он почти позабыл о пережитых кошмарах. Здесь было мирно, но там, за стенами, по-прежнему царили война, живые мертвецы и заговоры, расставленные как капканы на зверя. Бежать некуда: по воле случая или злого рока, всё это началось из-за него. Это была его ответственность.

Чэнь Гэ присел на корточки, обхватив голову руками.

— Пора уходить, Бэй Чэнь. Это я кашу заварил.

Тот легонько подтолкнул его коленом и усмехнулся:

— Когда все люди перемрут, я приведу сюда свое племя. Я стану императором демонов, а тебя сделаю своей императрицей. Не жизнь, а малина.

Чэнь Гэ взорвался, вскакивая и крича ему в лицо:

— Да иди ты! Глупости мелешь. Если мертвецы заполнят всё, ситуация выйдет из-под контроля, и тогда конец наступит всем.

Бэй Чэнь ущипнул его за щеку. Грубые пальцы оставили на коже два розовых пятна.

— Хм. Три тысячи лет назад люди резали моих сородичей, загоняя нас в бесплодные пустоши. Пришла пора платить по счетам.

— Как платить? Думаешь, этой кровью можно что-то искупить? — Чэнь Гэ потер щеку. — Очнись, времена изменились. Раньше, может, и впрямь боролись за выживание, но сейчас эта бойня лишена всякого смысла.

— Без крови нет искупления. Наша вражда неизбывна.

— Во-первых, у вас общий враг! — горячился Чэнь Гэ. — Во-вторых, нынешних богатств хватит на всех. Сделайте людей своими подданными, берите их в жены, плодите детей! Ассимилируйте их, поглотите миром, не будьте такими твердолобыми. Это же чистый убыток!

Бэй Чэнь лишь молча уставился на него.

Чэнь Гэ осекся и хлопнул себя по лбу. Он и сам понял, что его доводы звучат не слишком-то «человечно», скорее как бред идиота, нанятого демонами.

Он поднялся и потащил Бэй Чэня за собой к дому господина Бяньяна. К его удивлению, усадьба, пустовавшая все эти дни, была окружена множеством незнакомых людей.

<http://bllate.org/book/17509/1662078>